

Списание ЕПОХИ
Издание на Историческия факултет на
ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“
Journal EPOCHI [EPOCHS]
Edition of the Department of History of
St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo

Том / Volume XXIII (2015),
Книжка / Issue 1

ДРЕВНИЙ НОВГОРОД И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОДНОЕРОВЫХ КИРИЛЛИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Анета НИКОЛОВА

OLD NOVGOROD AND THE SPREADING OF MONOYERIC CYRILLIC SYSTEMS IN THE OLD RUS

Aneta NIKOLOVA

Abstract: The subject of this article is the Old Cyrillic writing system that used yer' only (the so-called monoyeric Ъ-system) as well as the specific, non-standard but constant orthographical rules (ъ>о, ъ; е>ь). This system appears in birch bark manuscripts in Old Novgorod from the mid-12th to the late 14th century, it is developed from the Old Bulgarian monoyeric system and can be defined and described as another Old Cyrillic monoyeric scribe school.

Key words: Old Bulgarian Cyrillic, Old Novgorod birch bark manuscripts, monoyeric orthography (use of yer' only)

Распространение одноеровых кириллических графических систем (только с Ъ и только с Б) в Древней Руси на данный момент как бы не возбуждает споров. В свое время шли споры о принадлежности этих графических традиций. В 80-х гг. прошлого уже века венгерский славист Имре Тот в своей книге, изданной в Софии, выдвинул идею о том, что все одноеровые системы следует считать южнославянскими, а до XIII века – только древнеболгарскими. (Напомню, что классификации книжных школ на основе графических систем делали болгарские ученые Иван Гъльбов и Беню Цонев¹). Против такой принадлежности одноерового письма только южным школам выступил Виктор Маркович Живов. Он считал, что одноеровые системы имели свое развитие на восточнославянской почве, т.е. можно говорить о древнерусских одноеровых системах. Споры разгорались на материале рукописей, считавшиеся древнерусскими, в которых проявлялось последовательно одноеровое написание (по крайней мере – в рамках одного почерка). В наше время новгородские археологические находки дают все больше и больше такого материала, притом прежде всего в некнижном употреблении. Даже больше: именно в новгородской некнижной письменности проявляется еще один вариант распространения одноерового письма в Древней Руси, который до сих пор не учитывается и который может пролить свет на историю письменных норм, которые слабо отразились в книжной письменности.

Чтобы ввести в общий контекст славянского одноерового письма, приведу только известные примеры, не останавливаясь на исследованиях, после чего перейду к собственно новой идее.

¹ Классификации книжных школ на основе графических систем [Цонев, 1940; Гъльбов, 1968]. О принадлежности одноеровых графических традиций [см. Тот, 1985]; одноеровые системы имели свое распространение в рукописях и на восточнославянской почве [Бояджиев, 1996а, 1996б].

Общепринято положение о том, что одноерное письмо возникает из-за сближения средневысоких, вероятно напряженных, как мы считаем сегодня – сверхкратких, гласных переднего и заднего ряда. Их сближение означает избыточность признака ряда и графическую дублетность или элиминацию одной из графем ъ и ѣ. Среди славянских рукописей нам известны попытки адаптировать двуерную графику для «одноерного» говора, и наоборот, одноерную графику – для записи в условиях фонологического различия средневысоких сверхкратких гласных.

В качестве исходного «чистого» варианта одноерного письма только с Ъ выступает древнеболгарский Енинский апостол, памятник начала или середины XI в., возможно даже конца X в., который хранится в НБКМ под №1144.

Отрывок, содержащий Житие св. Кондрата, являлся как бы единственной до недавнего времени рукописью с одним Ъ у восточных славян (отрывок, РНБ, Погод. 64). Уникальная находка в Новгороде в 2000 г. опровергала это – т. наз. Новгородскую псалтырь XI в. на cere, скорее всего можно считать памятником книжным, наравне с рукописями. В ней основной псалмический текст и некоторые из «скрытых» текстов написаны последовательно одноерной графикой с Ъ. Сам отрывок Жития св. Кондрата показателен для превращения этой одноерной графики в «двуерную». В прорисях и изданиях, на фотографиях видно, что отрывок содержит оба знака для еров. В чем противоречие? Почему такие исследователи как И. Тот, А. Бояджиев и др. приводят его в качестве примера одноерного письма? Причина видна на увеличенном изображении дигитальных копий с фрагментов. И это, пожалуй, самый простой и радикальный «метод» «исправления» одноерного написания – сосколбленную засечку Ъ на месте этимологического ѣ выдает прежде всего наклон вертикальной хасты, а при увеличении видны и следы ножика «правки».

В отличие от одноерного письма, одноерное, только с Ъ, было более распространенным в рукописях русского извода, по крайней мере – до нас дошло больше таких рукописей. Ранним южнославянским примером является т. наз. Мирославлево евангелие (рукопись Хиландарского монастыря, хранящаяся в Национальном сербском музее в Белграде) – датируется в 80-х гг. XII в., но видимо следует более древним образцам т. наз. висящего кириллического устава под греческий IX века. Напомним, что на юге развиваются Зетско-Холмская и Рашкая одноерные школы. Традиционно к этой группе из восточнославянских относятся кириллическая часть т. наз. Реймского евангелия, Златоструй Бычкова XI в. (РНБ Q.п.1.74), Листок Викторова XI в. (РГБ, Писк.205.1), содержащий отрывок из Пандектов Антиоха. Одноерное письмо отдельного писца проявляется и в двуерных в целом рукописях, как напр. писец В в древнейшей славянской рукописи Пандектов Антиоха XI в. (рkp. Воскр. 30 ГИМ). А. Бояджиев уже проследил как этому писцу приходится отказаться от своих навыков, приобретенных в одноерной школе и перейти к двуерному письму [Бояджиев, 1996а, с. 170 – 171]. В первой части, написанной его почерком, последовательно одноерное письмо. Во второй части, если это тот же почерк, он начинает писать двуерным письмом – с некоторыми отклонениями на первых листах этой части (с 2-ой строки л. 27а и до конца л. 29б), но вполне последовательно на следующих. Считается, что Пандекты Антиоха транслитерированы с двуерного глаголического текста и возможный кириллический протограф тоже был двуерным. Это тем более говорит об устоявшихся навыках писца В. Он впоследствии стал следить внимательно за ерами в исходном тексте и далее его текст написан по двуерной системе. Такой, кажется, уникальный пример для книжной практики, помогает, на мой взгляд, правильно понять некоторые явления в некнижной письменности Древнего Новгорода, на чем мы остановимся позже.

Все примеры из древнерусского рукописного наследия показывают, что одноерная система письма «не устраивала» восточнославянских писцов, чей внутренний диктант и живое произношение «сопротивлялись».

На славянском юге, там, где наоборот – двуерная система письма стала не отвечать произношению, с XIII в. появляются новые правила распределения еров уже по формальной позиции в слове и строке, проявлением чего является т. наз. Тырновская школа (VI по классификации Б. Цонева). Из ранних примеров поиска правил распределения графем для еров можно привести среднеболгарское Стаматово евангелие (1 пол. XIII в., РНБ, Рус. археол. об-во, № 338), в котором Ъ в сильной позиции всегда Ъ, а также в предлогах и приставках, в конце слова и строки – Ъ, тот же Ъ в сильной позиции как Е, некоторое распределение еров и по морфологическим позициям. Отметим специально здесь случаи

перехода Ё на Ъ. «Избыточность знаков» по отношению произношения приводит к новым правилам орфографии, что происходило также и с юсами на юге.

А как поступит писец в случае недостатка графем? У писца В Паднектов Антиоха по ркп. Воскр. 30 был, как считают исследователи памятника, двуерный антиграф. А внутренний диктант писца, видимо, не сопротивлялся одноерным правилам. Попробуем представить себе, как будет писать восточный славянин, которого учили грамоте по одноерной графике, по таким текстам как вышеперечисленные Реймское евангелие, Златоструй Бычкова, те же Пандекты Антиоха, но по листку Викторова?

На самом деле в не книжной древненовгородской письменности обнаруживается очень устойчивая тенденция, проявляемая на протяжении несколько столетий в корпусе записей деловых: применяется именно набор графем одноерной системы (только с Ё), но при этом правила орфографии достаточно «нестандартные»²: Ё обозначает все Е-гласные (Ь, Е и ять), а Ъ изображается на письме всегда графемой О (даже в абсолютно слабой позиции без «прояснения»).

Как можно определить такую систему новгородской не книжной письменности? Достаточно ли широко она проявляется и распространяется, чтобы считать, что за этим явлением скрывается школа, а следовательно – и присоединить ее к перечню одноерных школ в славянской письменности?

Первый вопрос является скорее всего терминологическим. Для описания графико-орфографических явлений в берестяных грамотах Андрей Анатольевич Зализняк выбрал двуерную систему письма в качестве «стандартной»³. По аналогии с такой терминологией я приняла называть «стандартными» еще и одноерные системы, где одним знаком записываются оба звука верхнесреднего подъема – напряженные или редуцированные еры. В таком случае можно говорить о стандартной двуерной (S2), стандартной одноерной (S1Ь)⁴ и стандартной одноерной (ь)⁵. С т. зр. исходных систем письма (пренесенных с славянского Юга), они тоже являются стандартными в своем раннем состоянии. А для одноерной системы в Новгороде, где Ё-ем записываются Е-гласные, а не Ъ и Ь, предлагаю название «нестандартная» новгородская одноерная система (nSN1). Хотя обнаруживаю некоторое неудобство в близости произношения названий *одноерная* и *одноерная* для их восприятия на слух. С другой стороны, само негативное название *не-стандартная* как бы исключает возможность обучения по специфической одноерной системе Древнего Новгорода, что противоречит данным памятников.

Второй вопрос связан еще и с тем, что в науке уже сложилось впечатление, что новгородские берестяные грамоты представляют собой чаще всего «неправильную» реализацию книжных традиций. И что смешения, в которые принимают участие еры, являются чисто графическими⁶, редко – грамматическими⁷. Значит – о школе речи и быть не может.

Однако, при распределении комбинаций графических эффектов (понятие для обозначения замен А. А. Зализняка, которое воспринято последующими исследователями) обнаруживается устойчивость тенденции замены Ъ на О, тогда как Ё означает все Е-гласные (кроме редкого *є* для иотированного *е*). Весьма показательным, что обратная тенденция не прослеживается, на мой взгляд – за счет реализации одноерной системы, только с Ъ (в ее «стандартном» виде). Такое развитие эффектов в противоположные направления не может поддерживаться навыками произношения речитативом или для пения, где произносится и соответственно записывается *ъ* как *о*, *ь* как *е*, а в результате – не употребляются знаки для еров вообще (на примере кондакарных записей)⁸.

² О выявлении системы, а не просто графического смешения, см. [Николова, 2004, с. 245 – 255; Николова, 2014, с. 96 – 97].

³ [Зализняк, 2004 с. 22 – 23].

⁴ Устойчивые навыки в „стандартной“ системе только с Ъ проявляются в берестяных грамотах при почти полном отсутствии фонетических и морфологических „новгородизмов“, что связано, видимо, с хорошей выучкой по этой системе и/или несопротивлением со стороны внутреннего диктанта пишущего.

⁵ В „стандартном“ виде не прослеживается в новгородской письменности.

⁶ См. подробно [Зализняк, 2004 с. 23].

⁷ [Крысько, 1994, с. 19 – 21].

⁸ [Успенский, 2002, с. 141 – 145]. Стремление к полному избеганию еров вообще наблюдается в одной группе берестяных грамот (возможно обозначение системы So), оно тоже имеет свое важное место в берестяных грамотах. Такое кондакарное произношение объясняет замены в одно направление или полное взаимозамещение графических знаков в парах, но не замещения с избеганием *ъ* и широким распространением *ь* на месте Е-гласных (при отсутствии обратной зависимости).

Устойчивость тенденции замены $\text{ъ} \rightarrow \text{о}$, $E (\text{ь}, \text{`e}, \text{ять}) \rightarrow \text{ь}$ в берестяных грамотах двух и более веков поддерживается еще и ее устойчивостью в записях одного и того же лица на протяжении десятилетий. Такая устойчивость противоречит идее ошибочности и нерегулярности замен. Притом можно проследить как отец пишет по стандартной системе, а сын – по «нестандартной» новгородской с одним Ъ. Это есть аргумент в пользу существования обучения по этой «нестандартной» одноеревой новгородской системе. Постепенно в XIV и XV вв. «стандартные» двуеревые написания вытесняют написания по одноеревой новгородской системе – сначала в книжных словах, личных именах и под.

Кроме в записях на бересте «нестандартная» новгородская система с одним Ъ широко распространяется в граффити на стенах, надписях на иконах и предметах, а также в сферах, которые трудно назвать неофициальными – в грамотах, договорах. Следы навыков именно по такой системе написаний (а не просто смешений) можно проследить даже в такой поздней рукописи как Чудеса св. Николы (ГИМ, Хлуд. 215, к. XIII в.)⁹. На основании отдельных написаний в этой рукописи можно судить о том, что антиграф был двуеревым. Скорее всего это следы устойчивых навыков писца в «нестандартной» новгородской системе с одним Ъ, и он старался «исправить» это навыки следую антиграфу.

Итак, в новгородской некнижной письменности распространена одноеревая система письма (только Ъ), но отсутствует одноеревая (только Б). Среди графических замен выделяется тенденция замены Ъ на О и всех Е-гласных на ь при отсутствии противоположной, что нельзя объяснить случайными ошибками плохо знавших грамоту пишущих. Набор графем после таких замен соответствует набору одноеревой системы письма (только Б) и таким образом может объяснить отсутствие последней в новгородской книжности. Устойчивость замен в сторону Ъ на О и все Е-гласные на ь (кроме нотированного е) как на протяжении долгого отрезка времени и проявление на протяжении всей жизни у одного и того писца, является свидетельством наличия специального обучения и устойчивых навыков в этом письме. Написания такого типа сильно проявляются и вне берестяной письменности, что не поддерживается определением «батового статуса» систем со смешением.

На основании сочетания всех перечисленных фактов я склонна видеть в такой устойчивой и широко распространенной за рамками бытовой письменности тенденции традицию, и даже специальное обучение этим правилам письма. А следовательно – в новгородской нестандартной одноеревой системе письма и одну из возможных одноеревых кириллических школ.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Бояджиев, А. 1996 а – А. Бояджиев. Ранната старобългарска кирилица в писмеността на Киевска Русия XI–XII век. Дисертация. София, 1996. [A. Boyadzhiev. Rannata starobalgarska kirilitsa v pismenostta na Kievskia Rusiya XI–XII vek. Disertatsiya. Sofiya, 1996a].

Бояджиев, А. 1996 б – А. Бояджиев. Из ранните руско-български писмени връзки. – Медиевистични изследвания. Шумен, 1996. [A. Boyadzhiev. Iz rannite rusko-balgarski pismeni vrazki. – Medievistichni izsledvaniya. Shumen, 1996].

Гълъбов, Ив. 1968 – Ив. Гълъбов. Ранни школи на българския книжовен език. – Български език, кн. 2–3, 1968. [Iv. Galabov. Ranni shkoli na balgarskiya knizhoven ezik. – Balgarski ezik, kn. 2–3, 1968].

Зализняк, А. А. 2004 – А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. Москва, 2004. [A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. 2-e izd. Moskva, 2004].

Крысько, В. Б. 1994 – В. Б. Крысько. Заметки о древненовгородском диалекте (Varia II). – Вопросы языкознания, кн. 6, 1994. [V. B. Kraysyko. Zametki o drevnenovgorodskom dialekte (Varia II). – Voprosy yazykoznanija, kn. 6, 1994].

Макеева, И. И. 2003 – И. И. Макеева. Сказание чудес Николая Мирликийского. – В: Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Москва, 2003. [I. I. Makeeva. Skazanie chudes Nikolaya Mirlikiyskogo. – V: Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka. Moskva, 2003].

Николова, А. 2004 – А. Николова. Уникално свидетелство за писмените системи в новгородските грамоти на брезова кора. – В: Сб. в чест на проф. А. Давидов. В.Търново, 2004. [A. Nikolova. Unikalno svidetelstvo za pismenite sistemi v novgorodskite gramoti na brezova kora. – V: Sb. v chest na prof. A. Davidov. V.Tarnovo, 2004].

⁹ Об этой рукописи также **Макеева**, 2003, с. 231–232.

Николова, А. 2014 – А. Николова. Специфические графико-орфографические системы новгородских берестяных грамот: в поисках причин возникновения. – В: Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 53 (2013/3). Москва, 2014. [A. Nikolova. Spetsificheskiye grafiko-orfograficheskiye sistemy novgorodskikh berestyanykh gramot: v poiskakh prichin vzniknoveniya. – V: Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki, 53 (2013/3). Moskva, 2014].

Тот, И. 1985 – И. Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв. София, 1985. [I. Tot. Russkaya redaktsiya drevnebolgarskogo yazyka v kontse XI – nachale XII vv. Sofiya, 1985].

Успенский, Б.А. 2002 – Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI – XVII вв.). 3-е испр. и доп. изд. Москва, 2002. [B. A. Uspenskiy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI – XVII vv.). 3-e ispr. i dop. izd. Moskva, 2002].

Цонев, Б. 1940 – Б. Цонев. История на българский език. София, 1940. [B. Tsonev. Istoriya na balgarskiy ezik. Sofiya, 1940].